Рис. И. СЕМЕНОВА

КРОКОДИЛ

№ 21 (1311) МОСКВА 30 ИЮЛЯ 1952

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ГОД ИЗДАНИЯ XXXI

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА
«МАНЬХУА» — «КАРИКАТУРА», САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
漫画
Художник БИН ХУН
Факты изобличают! Не отвертеться!
Художник ЧЖАН ВЭНЬ-ЮАНЬ
US
ЙОСИДА
ПОТЕРИ АМЕРИКАНСКОЙ АРМИИ В КОРЕЕ
Не спасёт!
Художник ЧЖАН ВЭНЬ-ЮАНЬ
ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ
СЕВЕРО АТЛАНТИЧЕСКИЙ ПАКТ
Без крупы кашу варят (китайская поговорка).
Художник ЧЖАН ВЭНЬ-ЮАНЬ
МИР
ЙОСИДА
СИЛЫ ЯПОНСКОГО НАРОДА
Стальной молот и железный кулак.
Художник ЧЖАН ВЭНЬ-ЮАНЬ
US
ЙОСИДА
АЗИЯ
«Взаимопомощь».
Художник БИН ХУН
— Мои солдаты не могут взять эту высоту! Поручаю это вам!

В. БАХНОВ, Я. КОСТЮКОВСКИЙ

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

ИЖДИВЕНЦЫ ОСОБЫХ СТАТЕЙ

Пожалуй, друг с другом они не знакомы,
Различны по взглядам, по вкусам своим,
Но общее нечто свободно найдём мы
У тех, кому этот рассказ посвятим.

1

Институт окончив медицинский,
Вышла замуж вскорости она,
Врач-подруга — в Южно-Сахалинске,
А её профессия — жена.

Так вот и живёт на белом свете.
У неё детей, конечно, нет.
(Говорят, фигуру портят дети
В двадцать пять неповторимых лет.)
Есть квартира. Есть достаток в доме,
В гости часто ходят к ним друзья.
Муж — юрист.
Она — жена с дипломом —
Интеллектуальная семья.
Муж её, конечно, любит очень,
Он готов работать дни и ночи...
Что ж с того! На то он и мужчина!
У неё своих полно забот:
По комиссионным магазинам
Надо совершить с утра обход.
И в Мосторг зайти хоть для порядка,
Может быть, капрон поступит вдруг,
Вот бы взять с такою чёрной пяткой,
Чтоб чернели дамы все вокруг!
У гомеопата капли на ночь
Выписать. Потом хоть на момент
Забежать, чтоб Фигаро Иваныч
Обновил немного перманент.
Выяснить у Ляли важно очень
(Ляля с юга прибыла как раз):
Модно ли костюм купальный в Сочи
Мехом оторачивать сейчас?
Шьют ли к сарафанам пелерины?
Приняты ль пижамные штаны?
И какие в Сочи носят спины
Или ходят вовсе без спины?
В восемь — к косметичке.
И к тому же
Вечером примерка... Вот беда:
Некогда обед состряпать мужу.
Ну, да, впрочем, это ерунда!

2

Мы все, хоть Нина не поёт,
Её по радио слыхали...

Когда трансляция идёт
Известной оперы и в зале
Вдруг раздаётся: «Браво!
Бис-с-с!!!», —
Аплодисменты заглушая,
То знайте: это нинин визг,
Её работа основная.

В честь знаменитого артиста
Она себя не первый год
В отличие от «лемешисток»
«Козловитянкою» зовёт.
(Хоть, увлечённая Козловским,
Она, признаться, всё равно
Пуччини путает с Чайковским
И Глинку путает с Гуно.)
Она любимого кумира
Ждёт у подъезда, у ворот,
Дежурит у дверей квартиры,
В которой бог её живёт.

Вот эти вечные заботы
И стали в двадцать с лишним лет
Её единственной работой,
И дел других у Нины нет.

Уж полночь. Но не спится Нине:
В служебной папиной машине
Она кумира стережёт,
Дежуря у его ворот.

3

Он ходит, вздыхая от скуки,
Тоскующий джентльмен,
На нём яркожёлтые брюки
И рыжий пиджак до колен,
И галстук на Бобе сверкает,
Хвосту попугая подстать,
И Боба не просто гуляет,
А водит костюм погулять.
Гуляют и шляпа, и пыльник
Из дальних неведомых стран,
И ленточка усиков стильных,
А также причёска «тарзан».
При взгляде на Бобу, должно быть,
Вопрос возникает простой:
Откуда он, этот вот Боба,
Откуда и кто он такой?
Он учится
где-то
заочно
(Неточность простительна нам:
Где учится Боба, мы точно
Сказать вам, читатель, не прочь, но
Не помнит он этого сам).
Заочник — красивое слово.
Проходит за годом год,
И Боба на всём на готовом
У мамы спокойно живёт.

Живёт он, вздыхая от скуки,
Тоскующий джентльмен,
На нём яркожёлтые брюки
И рыжий пиджак до колен.
Как много в нём блеска и лоска,
Но ни для кого не секрет:
Костюм есть, усы и причёска,
А вот человека-то нет.

* * *

Итак, меж собою они не знакомы,
И вкусы различны у этих персон,
Но общее нечто свободно найдём мы
У тех, кому наш фельетон посвящён.
И общее в них — это их бесполезность,
Они иждивенцы особых статей —
Отнюдь не по возрасту, не по болезни,
А просто по барской натуре своей
Они иждивенцы родных, государства,
Они тунеядцы, неведом им труд...
Откуда оно, это наглое барство?
Во имя чего эти люди живут?

Но в этом рассказе героев не трое,
Как минимум, здесь есть ещё три героя.
И наш фельетон, как вы поняли сами,
По праву ещё посвятить мы должны
И важному папе, и бобиной маме,
И мужу жены.

УРОЖАЙ: — Я уже поспел, а вы за мной никак не поспеваете!

В. КУКАНОВ

Рис. Г. ВАЛЬКА

Клён кудрявый

ДОРОГА с голого, обветренного холма спускается в низину. Здесь по обе стороны от неё густо разрослись набравшие силу многолетние лесонасаждения. Буйная смесь молодых сосен, клёнов и орешника тянется вдоль дороги до очередного холма и там, будто испугавшись крутого подъёма, обрывается.

Когда машина скатывается в зелёный коридор, по лицам шофёра Кувалдина и сидящего с ним в кабине агента отдела снабжения Водохлебова разливается удовольствие. Только что пронёсся бурный ливень. По кюветам вперегонки с машиной бегут пенящиеся ручьи. На полнеба размахнулась яркая радуга. Умытые деревца тянут жадные ветви к солнцу, уже сбросившему с себя мешанину грозовых туч.

— Скажи на милость! — изумлённо восклицает Водохлебов, сдвигая потёртую шляпу неопределённо песочного цвета со лба на затылок. — После степи будто в другой мир въехали, а?! Вот что значит лес!

— Сравнения нет! — отзывается Кувалдин. — То, словно на лысине, только ветерок гуляет, а то зелёные кудри — разница большая.

Мотор гудит, полупустой кузов громыхает, но собеседники слышат друг друга прекрасно: у Кувалдина бас, перед которым рокотание мотора кажется мурлыканьем котёнка; Водохлебов же, наоборот, сверлит хаос звуков пронзительным тенорком. Могучий, угловатый Кувалдин занимает почти всю кабину, а Водохлебов пристроился рядышком, вроде румяного припёка у каравая. Он весь округлый, и только рыжеватые усики выделяются двумя строгими прямоугольничками.

До сих пор спутники молчали. Словоохотливый Водохлебов несколько раз порывался начать разговор, но Кувалдин не отводил взгляда от дороги, стремительно ускользавшей под радиатор, и отделывался ничего не значащим «угу». Новая тема, повидимому, заинтересовала и его. Завязывается обстоятельная беседа.

— Я вот иной раз подумываю: какие же мы, люди, варвары! — размышляет вслух Водохлебов. — В стародавние времена вся земля была покрыта лесами. На этих вот лысых холмах зелёное море бушевало! А теперь?! Ну, тут, в наших местах, положим, степь издавна, а туда, севернее, — там ещё старики помнят дремучие леса. Где они? Их начисто вырубили да выжгли! Ну разве ж это не варварство?

— И не говори, Фёдор Иваныч! — машет рукой Кувалдин.

— Ведь, наоборот, в степях леса насаждать надо было, как вот сейчас это делают. Видал, за Сухим логом какая полоса проходит? Ого! Это, брат, по плану преобразования природы. А ты представь себе, что будет лет эдак через пятнадцать. И не узнаешь свою родную сторонку. Пораскинутся по ней рощи зелёные, засеребрятся пруды зеркальные; жизнь-то, я думаю, уютнее будет, а?

— Ещё бы! Совсем другая картина, — соглашается Кувалдин. Он зорко следит за дорогой и беспрерывно действует рычагами, поэтому успевает бросать только отрывистые фразы. Но видно, что говорит их он от души.

— Да-а-а! — мечтательно тянет Фёдор Иванович. — За хорошее дело взялись. Но и труд надо положить великий. Заново лес растить — дело не шуточное! Лет двенадцать назад, помню, тут всю дорогу от самого города обсаживали, а поднялись деревья только кое-где в ложбинках. На буграх и корешков давно не осталось...

— Там как на сковороде жарит, — с чувством вставляет шофёр, — трава сохнет уже в половине лета.

— Уход нужен, уход, — назидательно поднимает голос Фёдор Иванович. — Ты думаешь, ткнул хворостину в землю, а назавтра дуб вырос? Не-ет! За каждым деревцем поухаживать надо не один годок.

— Это уж конечно!

— Охранять тоже надо. В городе новые посадки козы местами начисто обглодали, вихорь их возьми!

— От этой скотины пользы на грош, а вреда на миллион, — басит Кувалдин.

— Вот именно!.. — Фёдор Иванович вдруг спохватывается: — Слушай-ка, сворачивай сейчас налево...

— А проедем тут? Я эту дорогу не знаю, — колеблется шофёр.

— Ездят! Здесь же нам вдвое ближе. Давай, давай, сворачивай! Я за проводника. Чего ради нам крюк делать!

Кувалдин сбавляет ход и неуверенно крутит баранку, сворачивая на просёлок, разбитый у съезда с шоссе до ухабов. Машину бросает из стороны в сторону, она буксует, разбрасывает жидкую грязь и в десяти шагах от первых кустов лесонасаждения оседает колесом в рытвину. Сколько шофёр ни нажимает на рычаги и педали, машина только гудит и дёргается, но ни с места. Кувалдин выбирается из машины и взглядом знатока оценивает положение.

— Загорать! — коротко заключает он.

— Сейчас пойдут машины, вытянут, — виновато подаёт надежду незадачливый «проводник».

— Вытянут, сиди, жди! — с явной насмешкой подтверждает Кувалдин. Всем своим видом он как бы говорит: «Чёрт нас понёс куда не следует!»

Фёдор Иванович внезапно вспоминает, что позавтракал рано, а перед отъездом с завода не пообедал: нужно было срочно отвезти в пионерский лагерь фанеру, гвозди, краски.

— Надо что-то придумать! — нетерпеливо вскрикивает он, вылезая из кабины. — Приятного мало торчать тут, в грязи.

Кувалдин, не глядя на него, достаёт из кузова лопату и начинает сосредоточенно копать землю и бросать её под застрявшее колесо. Увлёкшись работой, он совсем забывает о своём спутнике. Вдруг тот прямо на лопату ему бросает охапку молодых кленовых веток.

— На-ка, подсунь под колесо для лучшего сцепления! А я ещё наломаю... Средство испытанное...

Кувалдин от изумления роняет лопату и, сидя на корточках, удивлённо смотрит на ветки. А Фёдор Иванович снова решительно семенит к ближайшим деревьям. Но рука его не успевает коснуться очередной ветки, как попадает в могучие тиски.

— Стой, с ума сошёл?! — оглушительно гремит бас Кувалдина.

Оторопевший Фёдор Иванович в ожидании дальнейших событий втягивает голову в плечи и отстраняется от Кувалдина, насколько позволяет вытянутая рука.

— Ты что, ты что? — испуганно бормочет он.

Кувалдин, краснея от возмущения, окидывает Водохлебова гневным взглядом.

— «Козы, вихорь их возьми!» — презрительно копирует он. — Сам ты во сто раз хуже козы!

Отпустив руку Водохлебова, он подходит к только что ободранному с одного бока кудрявому клёну и пытается бережно оправить надломленную, бессильно повисшую ветку.

— Какой кленок испортил! — с огорчением говорит он. — Ты бы только подумал, каким он мог стать лет через пятнадцать! Эх ты, краснобай! А я-то считал, что ты серьёзно рассуждаешь.

— Чего зря горячишься? — примирительно бормочет «краснобай». — Посадки, небось, старые, не по плану выросли... Клочок какой-то...

— Клочок это или не клочок, — снова закипает гневом Кувалдин, — а если тронешь ещё хоть листик, то вот, видишь?!

Перед самым носом Водохлебова возникает для обозрения увесистый кулак — нечто среднее между небольшим арбузом и пудовой гирей.

— Ви-жу... — торопится подтвердить Водохлебов. От того, что кулак поднесён близко к его носу, глаза у него сходятся к переносице и смешно косят.

Кувалдин молча повёртывается и направляется к машине. Там он старательно выбирает из-под колеса ветки клёна и аккуратно выкладывает их на промытую дождём траву. Затем снова принимается яростно окапывать колесо.

Почувствовав, что всё как будто бы обошлось, Водохлебов начинает поднимать голос:

— И вообще... знаешь что... Ты не очень-то размахивай кулаками. Подумаешь, герой какой нашёлся! Сам виноват, не может ямку проскочить. Тебе не машину водить, а на быках только ездить, на «му-два».

Кувалдин не обращает на него ни малейшего внимания. Вскоре он лезет обратно в кабину и заводит мотор. Несколько толчков — и машина выбирается на ровную дорогу, по другую сторону полосы лесонасаждения. Водохлебов догоняет её, но в кабину сесть ему не приходится: Кувалдин демонстративно захлопывает дверцу перед самым его носом. Чертыхаясь про себя, провинившийся пассажир лезет в кузов. Машина катит дальше, оставляя в колеях глубокие чешуйчатые следы. Над дорогой, быстро просыхающей под горячим солнцем, поднимается лёгкая испарина. Радуга бледнеет, небо с каждой минутой становится прозрачнее и голубее.

КОРМИЛЬЦЫ

В СЕМЬЕ Шиндяковых их росло десять человек. Пятеро мальчиков: Ванюша да Павлуша, Алёша да Гриша и на придачу Никанор. И пять девочек: Лена да Нюра, Маша, Зоя да Паша.

Все они народились на свет в ту пору, когда про сыновей говорилось «кормилец», а про дочерей — «обуза». И поговорка такая была: «Сыновей растить — в долг давать; стариков кормить — долг платить; а дочерей подымать — деньги на ветер бросать».

Однако Афанасия Евтихиевна не задумывалась, с кого под старость получать долги. Растила сыновей и дочек и щедро отдавала им всю свою материнскую любовь, и заботу, и ласку.

Прошло много лет. Дети выросли. Чудесно переменилась вся жизнь вокруг, и на груди старой крестьянской женщины засиял один из почётнейших орденов, «Материнская слава 1-й степени».

При вручении награды в 1946 году старушку поздравляли:

— Живите долгие годы, Афанасия Евтихиевна, и радуйтесь. Все дети у вас живы, вышли в люди. Все десятеро — кормильцы.

Соседки завидовали:

— Теперь тебе, Евтихиевна, жить не тужить, как сыр в масле кататься!

Но, вот поди ж ты, не катается Афанасия Евтихиевна как сыр в масле!

Правительство высоко оценило неустанные её труды, а сыновья и дочки в корне с правительством не согласны:

— Подумаешь, какое дело — она нас родила! Не она, так нашлась бы другая, всё равно родились бы. Кому это охота свои доходы нарушать, старуху кормить? И поговорка та вовсе глупая, устаревшая: «Старикам помогать — долг отдавать». Какой такой долг? Никаких долгов мы за собой знать не знаем.

А, между прочим, старинная поговорка не годилась только в одном пункте — относительно дочерей, которых подымать, что деньги на ветер бросать. И Афанасия Евтихиевна очень хорошо это чувствует по себе, живя у дочери Елены. Елена Александровна заботится о матери и от всей души, исправно платит ей свой дочерний долг. Не в долгу перед матерью и сын Григорий. Он работает в Ленинграде и частенько посылает по адресу: Костромская область, Ивановский район, деревня Медведица, Афанасии Евтихиевне Шиндяковой — то денежные переводы, то посылки.

Что же касается Ванюши, которому недавно стукнуло пятьдесят два года, да Павлуши сорока шести годков от роду, да сорокалетнего Алёшеньки, то они всё тянули, поджидали да рассчитывали: авось, маманя по старости лет (как-никак, 1871 года рождения!) позабудет про их существование и перестанет их беспокоить.

А старушка нет-нет и напомнит при встрече:

— Всё жду, сыночки мои, Ваня, Паня и Алёшенька, что в вас хоть помаленьку совесть просыпаться начнёт. Про Никанора уж я и не толкую. Он хоть и отца вашего сын, но от другой матери, от первой жены. К тому же он беспартийный сторож на складе Заготзерно, считает себя малосознательным и позабыл, что я его наравне с вами выращивала. Ну, а вы-то все трое — люди дюже сознательные, все члены партии, зажиточные колхозники. Мне бы вами гордиться следовало, ан гордиться-то и нечем.

— Видать, старуха нас доймёт, — решили пожилые детки и в 1951 году скрепя сердце заключили между собой соглашение: выдавать матери паёк хлебом. Покряхтели, посетовали на человеческое долголетие и сошлись на двух пудах в год с каждого. А разойдясь по домам, закручинились.

«Шутка сказать, два пуда! И куда старухе этакую прорву?» — думает Ванюша.

«Не съест! Ни в жисть не съест, не осилит!» — соображает Алёша.

А Павлуша сам с собой здраво рассуждает:

«Братья пускай как хотят, а я свой хлебушек поберегу. По два пуда с носа! Этак можно вовсе завалиться зерном! Уж больно жирно!»

Так ни один и не дал матери ни зерна.

Советуют Афанасии Евтихиевне подать на них в суд, но ей не хочется:

— Совестно. Да и жалко, всё ж таки они мои дети. Я их вынашивала, пеленала, кормила, больных выхаживала, растила, радовалась на них. Может, ещё опамятуются?..

Так и живёт в деревне Медведице, Ивановского района, Костромской области, Афанасия Евтихиевна Шиндякова у своей дочери Елены Александровны.

Живёт старая мать, позабытая и брошенная собственными неблагодарными, чёрствыми, жестокими детьми: Ванюшей да Павлушей, Алёшей да Никанором, Нюрой да Машей, Зоей да Пашей.

Варвара **КАРБОВСКАЯ**

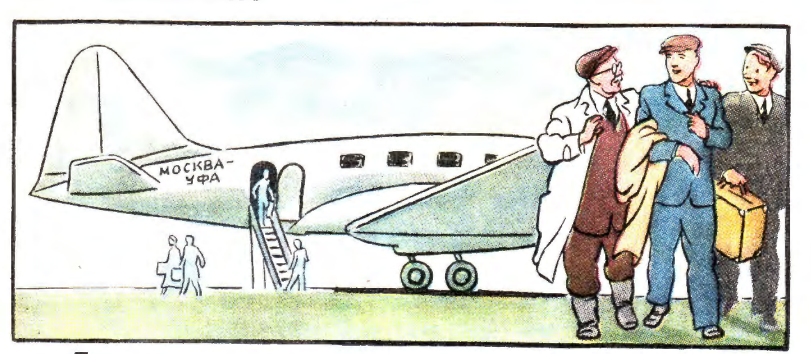
Рис. В. КОНОВАЛОВА

Столовая на станции Смоленск строится пять лет.

— До чего же надоело пять лет подряд носить мужьям обед в столовую!

Руководители некоторых предприятий не заботятся о распространении у себя на производстве опыта передовых рабочих.

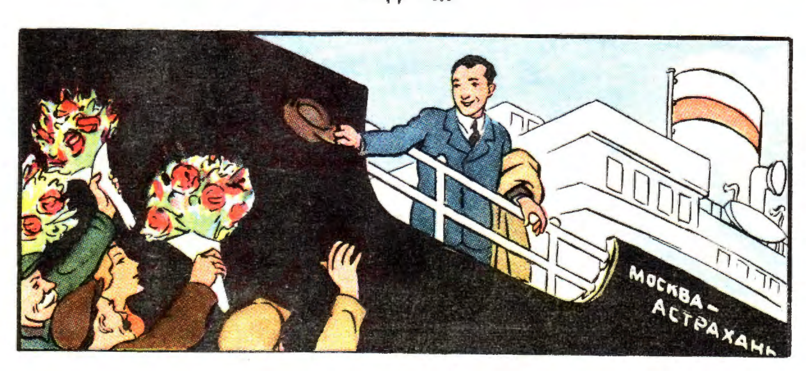
Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

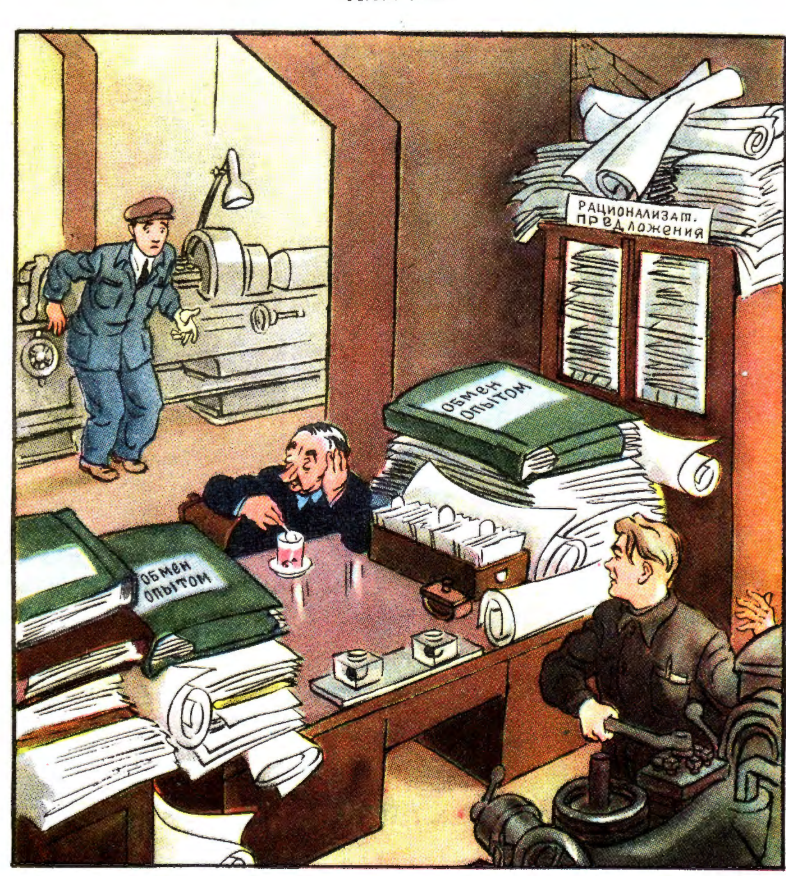
Для передачи своего опыта работы стахановец Петров летал...

Ездил...

Плавал...

И только до соседнего станка не мог дойти.

КРОЛЕВЕЦКАЯ ВАРЕНУХА

КРОЛЕВЕЦ, — конечно, город не великий, но зато какой размах у Миколы Петровича! Эх, и голова Микола Петрович Зенченко! Что за истории умеет он отпускать и какой диковины не выдумает!

Про одну из них я и расскажу вам в этом фельетоне.

Жили в Кролевце супруги Михайло Алексеевич и Евфросинья Исааковна Луковецкие. Жили тихо и скромно. Не раз местные жители поминали Михайлу Алексеевича добрым словом за сшитые им юфтовые сапоги, ибо дороги в Кролевце не так гладки, как перед зданием исполкома райсовета, где головою Микола Петрович.

Про Евфросинью Исааковну тоже не скажешь ничего дурного. Женщина домовитая, хозяйственная. Своими руками сад высадила, огород наладила и дом, отстроенный после войны, в полном порядке содержит. Правда, ныне волосы у Евфросиньи Исааковны более седые, чем чёрные, но это скорее от... Впрочем, не будем забегать вперёд.

Бывало, соберутся в летний вечер добрые люди в гости в сапожниковом саду, усядутся за стол, и тогда прошу только слушать. Хозяин расскажет, где саженцы мичуринские добыть, как скрещивать сорта разные, а хозяйка — про грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху со сливами.

— Ну и хозяева! — умилялся голова.— Не люди — волшебники. А сад-то какой! Прямо парк культуры! А дом! Чистый санаторий! В такой хате и самому голове не грех жить. Не грех, правда? Может, договоримся, хозяева, насчёт обмена на другой курень, а?

— Спасибо, дорогой Микола Петрович! — говаривали хозяева.— Спасибо на хорошем слове, нам и здесь добре. Захаживайте.

И каково же было их удивление, когда однажды летом 1951 года (не к ночи будь помянуто!) чей-то кучер по-хозяйски распахнул ворота и в сад въехала прокуророва таратайка. Ошеломлённые Луковецкие получили строгое приказание явиться в суд.

Ну, и заварилась после этого в Кролевце «варенуха со сливами». На всякий случай, чтоб не помянули автора лихом, выписываю сюда всё по цифровому порядку:

1. Народный суд 1-го участка на основании непроверенных показаний сомнительных свидетелей обвинил Луковецких в занятии незаконным кустарным промыслом и спекуляции и постановил отобрать у них дом с садом. Для пущей важности судья Кулеба выдумал и собственноручно начертал на приговоре: «Судимы дважды».

2. Голова Микола Петрович Зенченко шумно въехал в дом Луковецких со всеми чадами и домочадцами, а жинка его не хуже Евфросиньи Исааковны стала готовить наливочку из вишен, что росли в сапожниковом саду.

3. «Кролевецкой варенухой» занялся Сумской областной суд. К намалёванному районным судьёй Кулебой приговору приложил свою руку областной судья Костенко, а судебная коллегия по уголовным делам — дай ей бог разума! — проштамповала приговор.

«Слухом земля полнится»,— говорят люди. Отыскался в Кролевце брат пострадавшего — работник МТС Николай Алексеевич Луковецкий. Он написал на кролевецких судей жалобу и послал её в Киев.

Но до чего ж любопытные загадки умеет загадывать исполняющий обязанности заместителя председателя Верховного суда УССР тов. Курпас! Всего два месяца рассматривал он жалобу, но зато как тонко и убедительно ответил:

«Извещаю..., что не нахожу оснований для протеста приговора..., так как вашего брата Луковецкого и его тёщу(?!)... осуждено — правильно».

Получил Николай Луковецкий такой ответ и, между нами будь сказано, усомнился в судейских способностях некоторых киевских работников юстиции: «Чего только не напишут они! Каких только страхов не выдумают!» — и тут же обратился в Москву, в Верховный Суд Союза.

Не будем томить читателя и скажем сразу: в Москве немедленно опротестовали приговор в Верховный Суд УССР, дело по обвинению Луковецких в спекуляции прекратили, а изъятие у них дома с садом отменили как незаконное.

Вся вина Луковецких заключалась в том, что они во-время не оформили свидетельство на право занятия пошивкой обуви.

Что же дальше? Дальше, скажете вы, Михайло Алексеевич должен спокойно жить да поживать в своей хате, избегая лихих гостей, а Евфросинья Исааковна, хоть и поседевшая ещё больше, ухаживать за садом да придумывать всё новые сорта варенья, поражая своим искусством добрых соседей.

Так полагали и Луковецкие. Узнав о решении Верховного Суда, они отправились в свой дом. Но нет, это ещё не всё... Кролевецкий голова, сидя в их садовой беседке и протягивая руку за пирогом с яблоками, показал им шиш. А прокурор Кириленко с помощником Володько, упрятав подальше документ Верховного Суда, такие стали рассказывать сапожнику и его жене страшные истории, что волосы у них заходили на голове.

И снова настало лето — лето 1952 года. Из сапожникова сада по всему районному центру сладчайший дух идёт от цветения разных плодов, а Михайле Алексеевичу и Евфросинье Исааковне, приютившимся временно у брата, и горько от этого духа и обидно.

Не за дом обидно им и не за сад. Нет! Они знают, что вернут им и то и другое. Обидно, что нашёлся человек, который так бессовестно обманул доверие кролевецких избирателей...

Г. ОСИПОВ

НАСЛЕДНИК ФИРМЫ СИТНИКОВ и К°

В ТРЕСТЕ «Камлесосплав» заканчивались последние приготовления к закрытому партийному собранию. Беспартийному Фёдору Максимовичу Мирскому очень хотелось на нём присутствовать, поэтому он слонялся среди коммунистов и старался привлечь к себе внимание приветливыми шутками. Потом он стоял у входа в комнату, где коммунисты обсуждали работу треста. В приоткрытую дверь был виден пёстрый лист с диаграммой выполнения плана сплава за второй квартал: кривые сплотки и буксировки древесины висели между тридцатью и шестьюдесятью процентами. Из-за дверей была названа фамилия Мирского. Но тут же кто-то плотно закрыл дверь, и Мирский, лукаво подморгнув кому-то, отправился в свои рубленые хоромы.

Дома Фёдор Максимович сел за стол, подпёр голову руками и, вперив взгляд прямо перед собой, замер в неподвижной позе. Со стены на него смотрел портрет дородного и степенного купца далёких столыпинских времён.

— А, батя, здравствуй! — оживился вдруг Мирский, приветствуя портрет.— Давай-ка с тобой кое-что обсудим... Семейное собрание считаю открытым. Присутствуют отец и сын Ситниковы. Посторонних прошу удалиться...

В комнате никого не было, но говоривший сделал паузу и только потом продолжал:

— В порядке справки, дорогой батя, ставлю в известность, что в России тридцать пять лет назад произошла революция. Для нашей ситниковской фирмы это имеет существенное значение. Наши миллионы, сплавные конторы на Каме, магазины, дома, рысаки стали не твоими и не моими, а общенародными. Как ты сам понимаешь, я не мог отстаивать свои права, как прямой наследник купеческого сословия, и вынужден был даже переменить фамилию. Теперь я не Ситников и не ваше степенство, а просто начальник сбыта треста «Камлесосплав» товарищ Мирский. Будем знакомы...

Купец со стены всё так же безразлично смотрел на своего потомка. Сын поёжился, встал перед портретом на колени и взмолился:

— Батя, родной! Прости ты, ради бога, мне перемену фамилии. Не получалось у меня иначе. Ты смотри не на звание, а на существо. Честно говорю, что корень ситниковский не угас, он живёт во мне и здравствует. Ты стяжал — и я стяжаю, ты охулки на руку не клал — и я не кладу.

Выражение лица портрета не изменилось. Потомок вернулся, снова сел за стол и с обидой в голосе продолжал:

— Если хочешь знать, я тебя перещеголял! Ты вот строил дома и за всё своим чистоганом платил. А я, видишь, какое поместье воздвиг: по самым скромным подсчётам, 84 тысячи стоит! А уплатил я только 18 тысяч, остальное за счёт треста разверсталось. Как это тебе нравится?! За постройку водопровода к дому я и вовсе ни копейки не платил. Всю его стоимость — 10 тысяч рублей — выплатил государственной высокосортной древесиной. Тулуп вот недавно увидел стоимостью в шесть тысяч — тоже присвоил безвозмездно.

Исповедующийся насторожённо оглянулся по сторонам, произнёс: «Стенографистка, это не записывайте! — и заговорил, понизив голос до интимного полушёпота: — Переходим к языку цифр и фактов. Я тебе кое-что скажу такое, что твои купеческие проделки перед моими совсем поблекнут. В общем, я не даю лес тому, кому он предназначен, а комбинирую, изобретаю. Много леса я должен поставлять Куйбышевгидрострою, а я ему почти совсем ничего не даю. Зачем давать, когда никакой выгоды от этого не вижу? А вот «Союзлесторгу» я даю. Продал ему высококачественную деловую древесину по стоимости дров. Разница в цене — триста тысяч. Понимаешь?! Вот тебе ещё цифры: принял я от лесозаготовителей двенадцать тысяч кубометров лыжного кряжа, а потребителям сдал только пять. Семь тысяч того, этого, тю-тю!.. Поступило в трест сорок тысяч кубометров палубника, а к потребителям дошло только двадцать три тысячи. Остальные, хи-хи, потерялись! Так же исчезли шесть тысяч кубометров резонансовой ели. За прошлый год только от перевода особо ценных сортов древесины в низшие сорта трест потерял семнадцать миллионов рублей.

Сын вплотную приблизился к портрету отца и зашептал о чём-то, чего совсем нельзя было разобрать. Потом он снова сел за стол и объявил:

— И вот сейчас мои дела обсуждают на партийном собрании. Но я не боюсь. После твоей смерти я не остался круглым сиротой. Теперь обо мне, как отец родной, заботится управляющий нашим трестом Николай Алексеевич, его фамилия — Злобин. Меня уже не первый раз обсуждают, но за ним я, как за каменной стеной. Ему уже строгий выговор по партийной линии объявили за то, что меня и таких, как я, не выгоняет с работы, а он, как скала: стоит на своём, и всё тут! Он мне даже премии регулярно выплачивает, хотя трест не выполняет планов. А как он меня любит!..

Потомок Ситниковых вороватo оглянулся и многозначительно поднял брови, приложил палец к губам и улыбнулся. Ему показалось, что и портрет улыбался хитрой, одобряющей усмешкой.

С. ЛИНКО

г. Молотов.

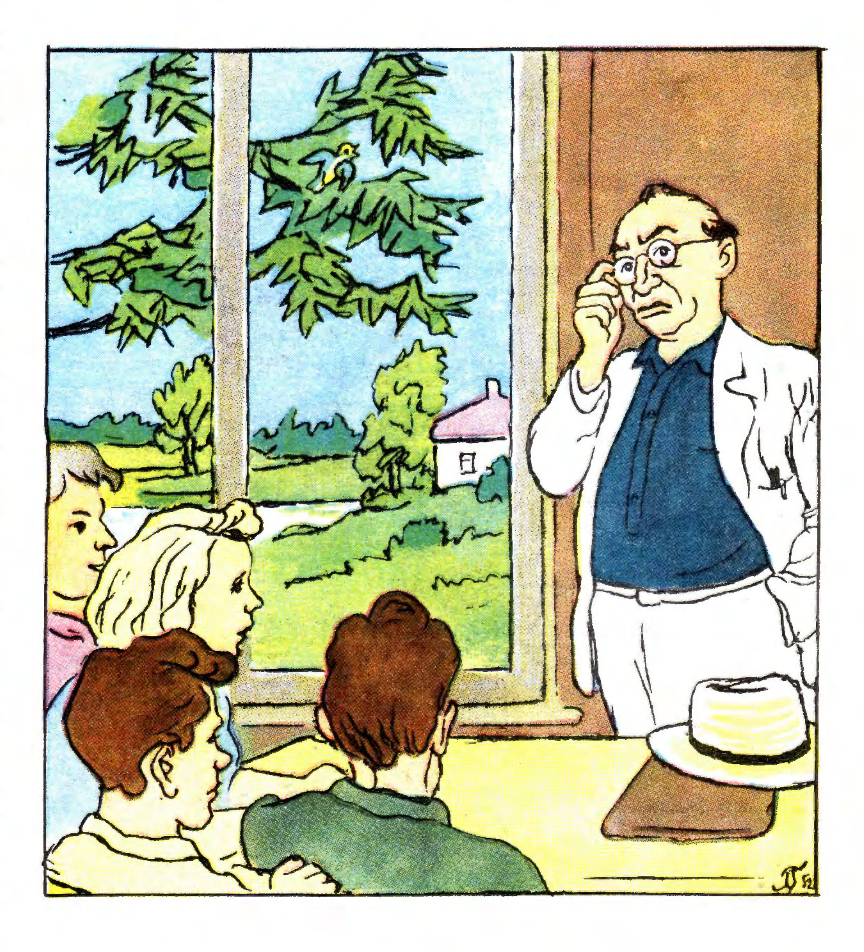
НЕ УСПЕЛИ ОГЛЯНУТЬСЯ

В некоторых сельских лекториях бывают перерывы между очередными докладами в несколько месяцев.

Рис. Л. ГЕНЧА

— Я кончил! До следующей встречи, товарищи!..

— ...Итак, на чём мы остановились в последний раз!

ВОЛГО-ДОНСКОМУ СУДОХОДНОМУ КАНАЛУ ПРИВЕТСТВУЕМ МЛАДШЕГО БРАТА ЗПТ КОТОРЫЙ ПЕРЕРОС СТАРШИХ ВО МНОГО РАЗ ТЧК БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКИЙ КАНАЛ ЗПТ КАНАЛ ИМЕНИ МОСКВЫ

СТРОИТЕЛЯМ ВОЛГО-ДОНА МОРЕ ПРИВЕТСТВИЙ ОТ ГРУЗИНСКИХ КОЛХОЗНИКОВ ТЧК ПОДНИМАЕМ БОКАЛ КАХЕТИНСКОГО ЗА ЦИМЛЯНСК

Счастливого плаванья!..

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

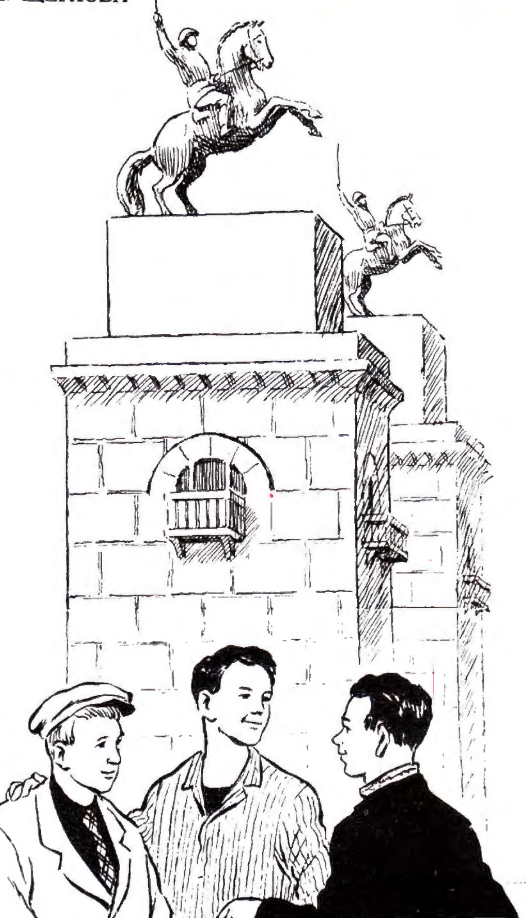

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

— Наша семья в этих местах уже третью победу празднует: дед — в гражданскую войну, отец — под Сталинградом, а я — на Волго-Доне!

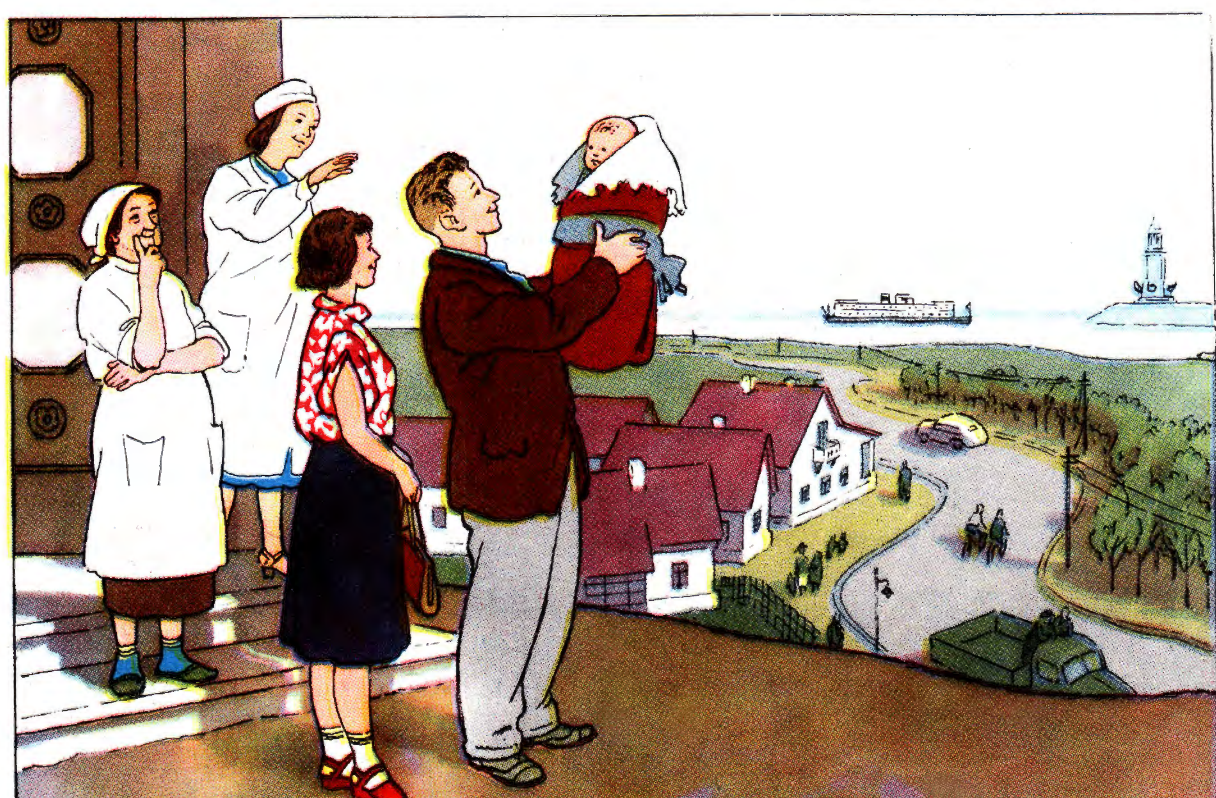
ЛЕГКО ЗАБЛУДИТЬСЯ

— Скажите, как проплыть к рыбоподъёмнику!
— Прямо вдоль плотины, мимо гидроузла, за водосбором, налево от третьего шлюза, у магистрального канала,— там и спросите!

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

На берегах Цимлянского моря появились новые сёла и деревни.

Первый парень на деревне.

Рис. Б. ЗЕЛЕНСКОГО

«Новый водный путь связывает нашу родину через Чёрное море, Дон и Волгу, — пишет болгарская газета «Работническо дело», — с любимой Москвой».

Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам...

(А. С. Пушкин)

Рис. Е. ГОРОХОВА

— К тому времени, когда мы окончим школу, ещё много новых морей создадут!

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

Путевка на строительство Сталинградской ГЭС

Кончил одно дело, шагай вперёд смело.
(Новая поговорка)

— Ну, я пошёл!..

Многие строители Волго-Дона переезжают на строительство Куйбышевской ГЭС и Туркменского канала.

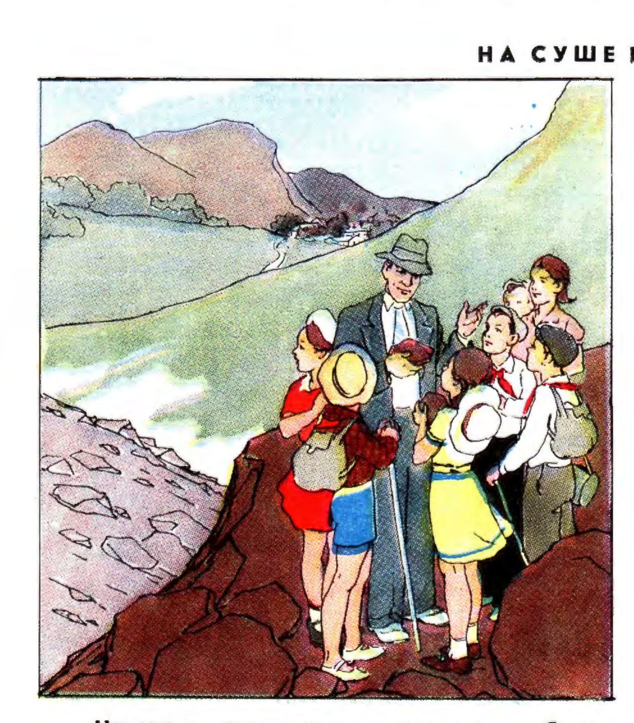
Рис. И. СЫЧЕВА

НА СТРОИТЕЛЬСТВО КУЙБЫШЕВСКОЙ ГЭС

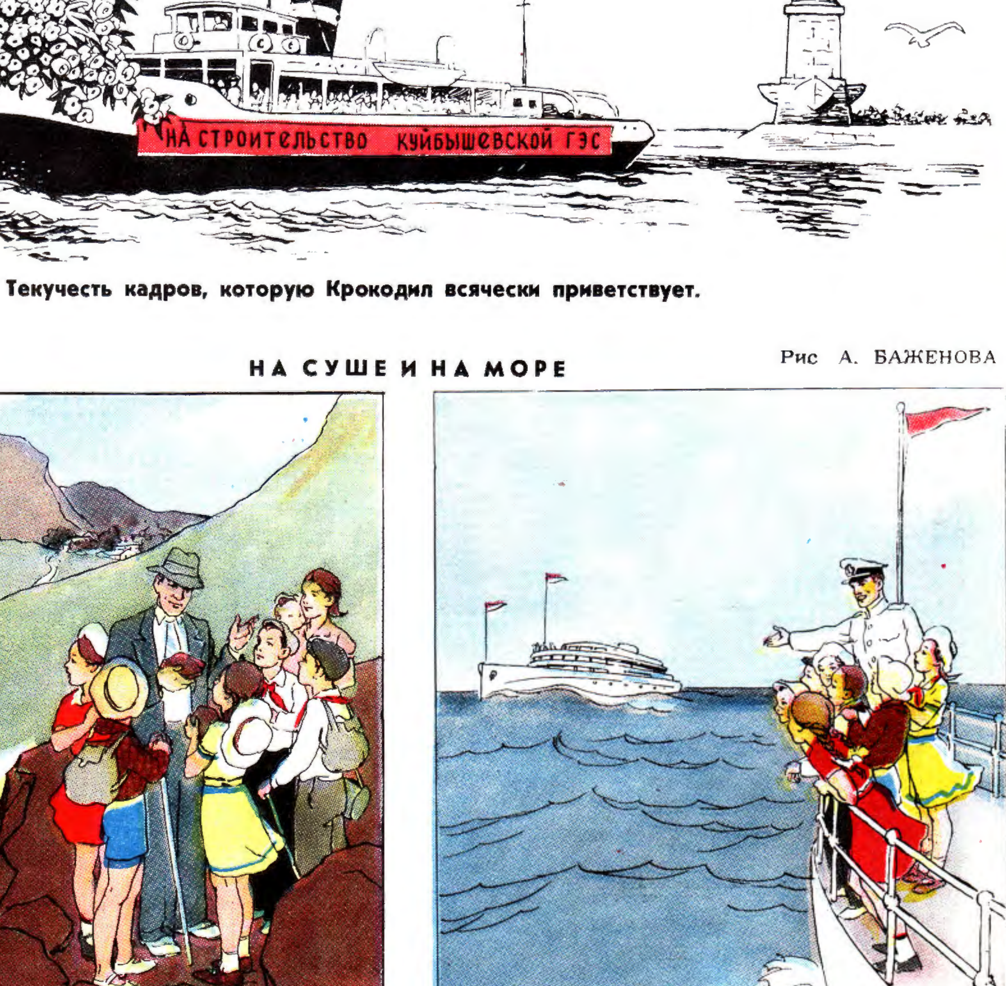
Текучесть кадров, которую Крокодил всячески приветствует.

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Рис А. БАЖЕНОВА

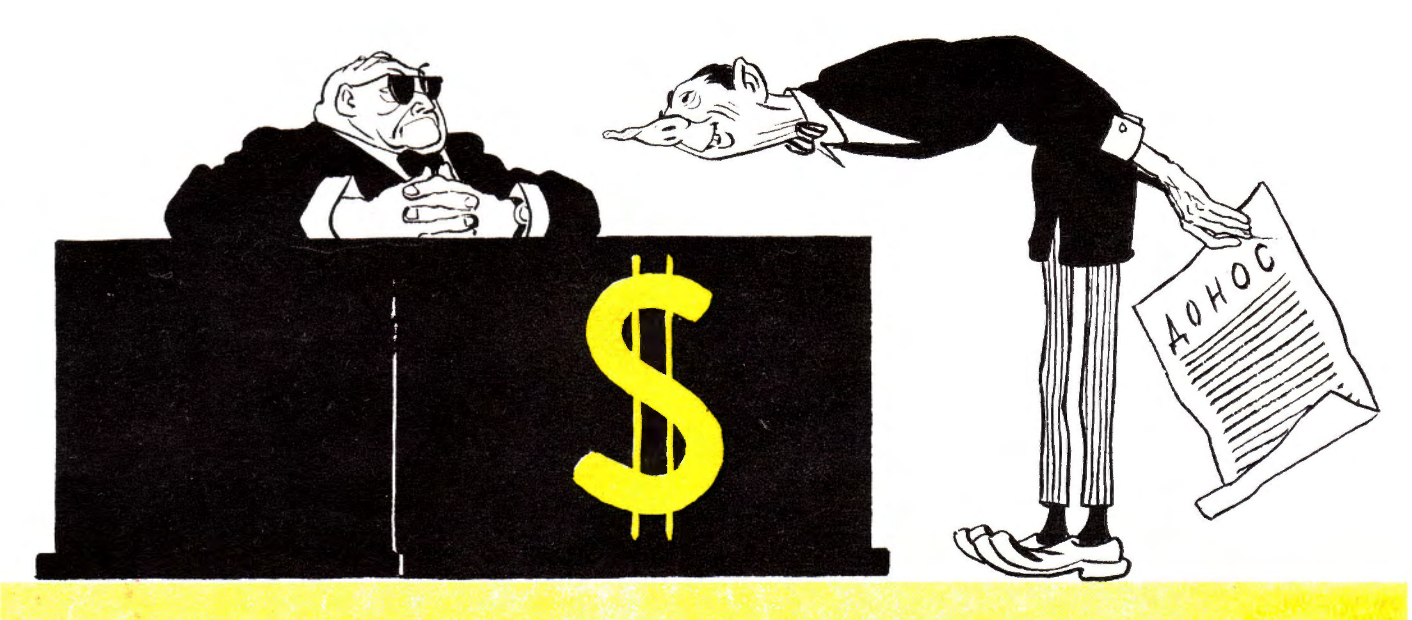

— Несколько миллионов лет назад здесь было море...

— Несколько недель назад здесь была суша.

МОСКВА АКАДЕМИИ НАУК КОПИЯ СВЕРДЛОВСК УРАЛМАШЗАВОДУ МИНСК АВТОМОБИЛЬНОМУ ЗАВОДУ И МНОГИМ ДРУГИМ ПРИНИМАВШИМ САМОЕ ...ВНОЕ УЧАСТИЕ В СОЗДАНИИ ...ГО-ДОНА ВАШИМИ СОЕДИНЕННЫМИ УСИЛИЯМИ ВЫ СПОСОБСТВОВАЛИ

О КЛИФФОРДЕ ГАДЮКЕ И О ПРОЧИХ

В КОМИССИИ по расследованию антиамериканской деятельности допрашивают господина средних лет. Господин стоит в позе знака вопроса, как бы желая подчеркнуть, что он готов отвечать на любые вопросы.

— Фамилия?
— Одетс, с вашего разрешения.
— Имя?
— Клиффорд-с, если это вам будет угодно.
— Место рождения?
— Филадельфия.
— Род занятий?
— Простите, осмелюсь спросить: вас интересует моя основная профессия или побочная?
— Выкладывай всё!
— С удовольствием! Побочная профессия — драматург, основная — агент-осведомитель Федерального бюро расследований.
— Приятно слышать. Давно этим полезным делом занимаетесь?
— Порядочно.
— По своей охоте или завербованы?
— Благородное рвение... От всей души.
— Каковы результаты?
— Шесть друзей.
— Непонятно. Разъясните.
— Очень просто. Донёс на шестерых друзей.
— Молодец!
— Рад стараться!

Пошептавшись, члены комиссии единодушно решают:

— Считать своим.

Всё это не выдумка. Показания Клиффорда Одетса опубликованы в газете «Дейли компас».

Салтыков-Щедрин писал: «...В самых разнузданных обществах имеется своего рода стыдливость; самый великий, самый несомненный подлец никогда ещё не доходил до такого цинизма, чтобы всенародно признавать себя за подлеца и гордиться этим званием».

Клиффорд Одетс гордится своим званием провокатора. Впрочем, это понятно. При режиме взаимных поклёпов и обоюдных доносов, пышно распустившихся на американской земле, гнусность уже не гнусность, а деталь домашнего обихода.

Дело не только в том, что предательство признаётся за добродетель, а в том, что идёт своеобразное соревнование, кто может придумать ещё какую-нибудь пакость. Член палаты представителей, республиканец Брэмблет от штата Калифорния, внёс законопроект, запрещающий пересылку по почте «коммунистических пропагандистских материалов для распространения в американских школах». Проект запрещает пересылать журналы, газеты, книги, кинофильмы, патефонные пластинки. Тому, кто нарушит это запрещение, грозят пять лет тюремного заключения и штраф в десять тысяч долларов. Легко понять, что значит этот законопроект при теперешних американских нравах и обычаях. Задумает, например, какой-нибудь более или менее прогрессивный житель Таксарканы послать своему сыну, обучающемуся в Далласком колледже, посылку с домашним печеньем. Долго ли с помощью хвалёной американской техники посылочку вскрыть и подложить в печенье роман Говарда Фаста или патефонную пластинку Поля Робсона, поющего «Полюшко, поле...»! И всё. Явная коммунистическая пропаганда. Платите, папаша, десять тысяч долларов и пожалуйте на пять лет в Синг-Синг.

А какие перспективы открывает этот проект вымогателям и взяточникам!

С Брэмблетом соревнуется республиканец Велде из штата Иллинойс. Ему, по всей вероятности, не давали спать лавры гитлеровских мракобесов, спаливших на кострах миллионы книг. Посоветовавшись со своей одичалой совестью, Велде внёс свой законопроект. Главный библиотекарь конгресса должен, по этому законопроекту, отобрать в библиотеке всю «подрывную» литературу и составить её список, который послужил бы руководством для других библиотек во всех Соединённых Штатах. «Вашингтон пост», комментируя предложение Велде, справедливо предположила, что он, очевидно, собирается сжечь все книги на ступенях Капитолия.

По подсчётам обозревателя «Дейли компас» Иоганнеса Стила, около полумиллиона американских интеллигентов: учёных, писателей, художников, врачей, руководителей профсоюзов, придерживающихся прогрессивных взглядов,— находится на грани экономической гибели. Число жертв так называемой антикоммунистической чистки растёт с каждым днём. Миллионы людей живут в вечном страхе, что доносы осведомителей, личных врагов или просто разнузданное воображение психически неуравновешенных субъектов могут лишить их работы.

Какое раздолье для провокаторов! Какой простор для лжесвидетелей и клеветников!

В галерее человекоподобных типов, созданных Салтыковым-Щедриным, есть духовный предок Клиффорда Одетса — Артамон Гадюк.

Подслушав, как его отец Прокофий Гадюк в пьяном виде говорил крамольные речи, Артамон, «с представлением ясных отцовой измены доказательств, донёс по начальству». Прокофия Гадюка наказали кнутом, вырезали язык и сослали в заточение. Артамона Гадюка за любезное престолу поведение стали именовать Очищенным.

Вот такими верноподданными клиффордами-гадюками, готовыми на любое предательство, хотели бы видеть реакционеры всех жителей Соединённых Штатов. Но от желаемого до достигнутого солидная дистанция. Как говорится, мистер Гувер предполагает, а народ располагает. Всё чаще и чаще ревнители полицейского режима получают по длинному носу щелчки. «Нью-Йорк таймс» недавно вынуждена была заявить, что даже студенты технических учебных заведений предпочитают помалкивать и не высказываться по каким бы то ни было вопросам ввиду постоянной слежки агентов Федерального бюро расследований. Студенты очень опасаются «проронить в неподходящий момент какое-либо неподходящее слово, которое могло бы поставить под угрозу их будущее».

Каких только не выдумано преград для того, чтобы лишить Поля Робсона возможности выступать перед народом! Государственный департамент отнял у Робсона заграничный паспорт, а в своей стране частные владельцы, выполняя приказ Гувера, не пускают певца в свои концертные залы и театры. О городских залах не приходится и говорить: их двери для Поля Робсона давно захлопнуты.

И всё же голос певца задушить не удалось. Не удалось погасить и любовь к нему.

Недавно Поля Робсона пригласили в Канаду выступить перед делегатами национального съезда профсоюза горняков металлорудной промышленности. Как и следовало ожидать, американские власти запретили Робсону выехать в Канаду. Но велико было желание послушать Робсона. На канадо-американской границе был организован митинг. На одной стороне границы стояли тысячи людей, а на другой стороне с высокой трибуны пел перед микрофоном Поль Робсон. Это было, говорят, незабываемое зрелище.

«Дейли компас» сообщает, что почти в один день с Клиффордом Одетсом в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности допрашивали драматурга Лилиан Хеллмен, автора «Лисичек» и «Леди и джентльмены». Как ни пытались следователи запугать Хеллмен, желаемых показаний о прогрессивных деятелях кино и театра они от неё не получили. Хеллмен категорически отказалась отвечать на вопросы о других лицах. Она заявила: «Причинять вред невинным людям, которых я знала много лет, чтобы спасти себя, кажется мне бесчеловечным, непристойным и нечестным».

Нет, не только клиффорды-гадюки населяют Соединённые Штаты Америки. К счастью для человечества, есть там много честных, порядочных людей.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

П. АНТОХИН

ПИСЬМО ПАРИЖСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО ГУВЕРУ

(ПАРОДИЯ)

Его Превосходительству, начальнику Федерального бюро расследований, главному координатору разведок стран Западной Европы мистеру Эдгару Гуверу.

Ваше Превосходительство!

Простите, что я, простой сержант парижской полиции, осмелился обратиться к Вам с письмом. Дело в том, что я, как страж порядка и законности, не могу стерпеть несправедливых нападок на нашу полицию и на моего шефа, префекта господина Бейло. После освобождения секретаря коммунистической партии Жака Дюкло левые газеты открыто называют социалиста Бейло «американским лакеем». Господин Бейло на это не обижаются, так как готовы и впредь верно служить Вам. Но тут ещё деголлевцы и католики ехидничают, что он, мол, провалил дело с «коммунистическим заговором». Даже господа из высшего света говорят, будто мой уважаемый шеф ничего не вынес из своей поездки в Вашингтон к Вам на консультацию. Обидно, Ваше Превосходительство. Господам, конечно, можно смеяться, а каково нам, полицейским!

Ваше Превосходительство! Не верьте этим разговорам. Во всём виноваты коммунисты, которые расстроили планы моего шефа, и адвокаты, запутавшие «заговор», а вовсе не господин Бейло и не мы. Вернувшись из Вашингтона, господин Бейло ни днём, ни ночью не знал покоя, всё твердил: «Боже, пошли мне ужасное преступление коммунистов!». Прямо как сержант полиции Джон из оперетты «Роз-Мари», честное слово! И уже через неделю мы арестовали Андрэ Стиля, а ещё через три дня — Жака Дюкло. Хотя Жак Дюкло был схвачен «на месте ужасного преступления», этого преступления, между нами говоря, обнаружить не удалось. В одном тулонском курятнике наши полицейские, правда, нашли «секретные документы» (это так же легко сделать, Ваше Превосходительство, как Вам вытащить свой портсигар, если Вы хорошо помните, в какой карман его положили). А коммунисты мигом доказали, что эти документы не имеют секретного значения. То же и с голубями, которых обнаружили в машине Дюкло, конфуз вышел. Газеты деголлевцев намекали, что Бейло, дескать, — просто пачкун в таких делах. А чёрт их знает, этих голубей, которые из них идут в суп, а какие служат коммунистам! Их не допросишь.

А на днях на заседании совета министров министр юстиции господин Мартино-Депла заявил, что следствие по делу Дюкло будет продолжаться. Вы уж простите, Ваше Превосходительство, но юристы опять могут провалить дело с «заговором». Вот почему осмелюсь предложить один свой планчик. По моему мнению, судейские просто запутали дело — сначала арестовали коммунистических лидеров, а потом уже начали создавать «коммунистический заговор». Вот почему газеты писали: «Всё происходит так, словно господин Дюкло арестован не потому, что виновен, а виновен потому, что арестован». Ваше Превосходительство! Нужно вначале подготовить «коммунистические преступления», а потом уже арестовывать. Ей богу, так будет вернее.

Вам, конечно, известно, что Дюкло и Стиля арестовали по закону 99-летней давности «О посягательствах и заговорах, направленных против императора Наполеона III и его семьи». А мне думается, если уж лезть в историю, то судить их нужно, как при Карле X. Наш полицейский комиссар рассказывал, что в те времена газета «Фигаро» как-то опубликовала сообщение в одну строчку: «Вчера видели, как доктор Руа вошел в Тюильри». За это сообщение издателя газеты упекли на год в тюрьму. Прокурор сформулировал обвинение так: «Господин Руа — специалист по глазным болезням. Он мог войти в Тюильри только для того, чтобы лечить Его Величество. Следовательно, «Фигаро» хотела показать, что Карл X или слеп или становится слепым». Каково, Ваше Превосходительство? Я думаю, подходяще. Вот примерно таким способом и надо действовать против вольнодумства.

Ваше Превосходительство, если Вам этот планчик подходит, не оставьте меня своими милостями. Век Вам буду верно служить. А насчет Бейло будьте покойны. Я тут как-то недавно слышал, что в Сицилии набожные крестьяне ежедневно молятся за здоровье кормильца семьи — осла. Так и господин Бейло: дня не пропустит, чтобы не выпить за здоровье Вашего Превосходительства. Вообще для Вас он человек вполне благонадёжный и недавно даже заявил, что считает себя персонально «находящимся в состоянии войны с Россией». Будьте уверены!

Ещё раз прошу извинить меня за беспокойство и прошу помнить, что в Париже есть преданный Вам сержант полиции.

К сему
Антуан Роже.

В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Рис. Л. БРОДАТЫ

— Теперь мы во всём нуждаемся, кроме нашего нынешнего правительства!

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

— Что ты ищешь, Фриц?
— Свой эсэсовский билет. Без него мне не дают командной должности!

КОММЕНТАРИИ НЕ ТРЕБУЮТСЯ

„САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ БЬЕРН КРАФТ“

Резкие и неожиданные отклонения внешнеполитического курса Дании встревожили даже реакционные круги. Вот что пишет по этому поводу газета радикальной партии «Скиве фолькеблад» в своей передовой статье «Самостоятельная» внешняя политика»:

«Когда министр иностранных дел Оле Бьерн Крафт выступает по внешнеполитическим вопросам, он обычно делает замечания о том, что прошлое миновало и что Дания теперь проводит сильную и самостоятельную внешнюю политику...

Два года назад риксдаг, и в том числе господин Бьерн Крафт, принял резолюцию, в которой Дания, учитывая горький опыт, заявила протест против вооружения Германии. Теперь самостоятельный Бьерн Крафт согласился на вооружение Западной Германии!

После 1945 года руководитель консервативной партии, вероятно, с согласия господина Крафта, заявил, что Дания должна занять позицию между Востоком и Западом, а не участвовать в какой-либо большой группе. В настоящее время господин Крафт является в нашей стране самым усердным защитником политики союзов.

Перед включением Греции и Турции в Северо-атлантический пакт господин Крафт сильно протестовал против этого.

Несколько позже он голосовал уже за включение этих двух стран и даже не занял особой позиции.

Неоднократно господин Крафт заявлял, что Дания не будет предоставлять организации Северо-атлантического пакта военных баз в период мирного времени.

Теперь бывший министр финансов Х. К. Хансен заявляет, что никто не будет удивлён, если в соответствии с Северо-атлантическим пактом предусматривается размещение и в мирное время некоторых атлантических групп в сотрудничающих странах, в том числе и в Дании...

Дания постоянно соглашается с выполнением требований, от которых министр иностранных дел и правительство сначала отказывались».

Ян САШИН

РЕКОРД С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Некая миссис Хейс съедает в течение трёх минут 73 сосиски фирмы «Лейк Каунти пэкинг Чикаго».

(Из газет.)

Сенсация!
Миссис у всех на виду,
Хватая сосиски из миски,
Окончила за три минуты еду
На семьдесят третьей сосиске.

«Европа слаба для рекордов таких!» —
Бахвалятся толстые зрители,
Бездонных желудков и глоток больших
Первейшие в мире ценители.

И в профиль снимают мадам и в анфас —
В жратве красота и отвага! —
И фирму возносят ветчин и колбас
«Лейк Каунти пэкинг, Чикаго».

А те, кто потоньше толстенных утроб,
Поменьше достатком и чином,
Те тоже ликуют,— у этих особ
Восторг по особым причинам:

«Жениться на этакой миссис — беда! —
Воскликнул реальный политик.—
Как смог бы её прокормить я, когда
Такой у неё аппетитик?!»

В горластой толпе,
Средь упитанных туш,
Бродил и один безработный.
От имени загнанных голодом душ
Он задал вопрос бы охотно.

Спросил бы он скопище этих господ:
«Скажите, какого же чёрта
Дурачите вы миллионный народ
Подобными видами спорта?

Пока вы слоновьи утробы свои
Хотите набить до отказу,
Пока, раздувая компаний паи,
За базой готовите базу,

Пока вы в звериной своей слепоте
В Пусан отправляете орды,
Мы ставим по голоду и нищете
Вдвойне мировые рекорды!»

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Федеральное бюро расследований планирует создание «международной полиции».

— Скажите, пожалуйста, в какой валюте вы будете брать взятки!

УНИВЕРСАЛЫ БОННСКОЙ ПОЧТЫ

Почтовики боннской республики — люди чрезвычайно проницательные. По одному виду письма или посылки они могут определить даже партийную принадлежность адресата. Столь незаурядное политическое чутьё позволило недавно чиновникам почтамта в Билефельде из огромной груды корреспонденции безошибочно отобрать сто бандеролей с текстом речи председателя компартии Германии Макса Реймана, а затем и уничтожить их. В связи с этим боннскому министру почт Шуберту был задан в парламенте вопрос, откуда его подчинённые могли знать, что эти бандероли посылались членам КПГ. На это министр не без гордости ответил:

— Почтовые чиновники знают всё!

Однако подчас служащие ведомства г-на Шуберта проявляют редкую близорукость и несведомлённость. В разных городах Западной Германии участились случаи, когда почта доставляет посылки, из которых при вскрытии выползают ядовитые змеи. Служащие почты во всех этих случаях ничего не ведают ни о содержании посылок, ни о том, кто их отправители — фашистские организации «Консул» и Союз немецкой молодёжи. К слову сказать, последыши гитлерюгенда, как они о том заявили, «весьма сожалеют, что не располагают достаточным запасом живых змей».

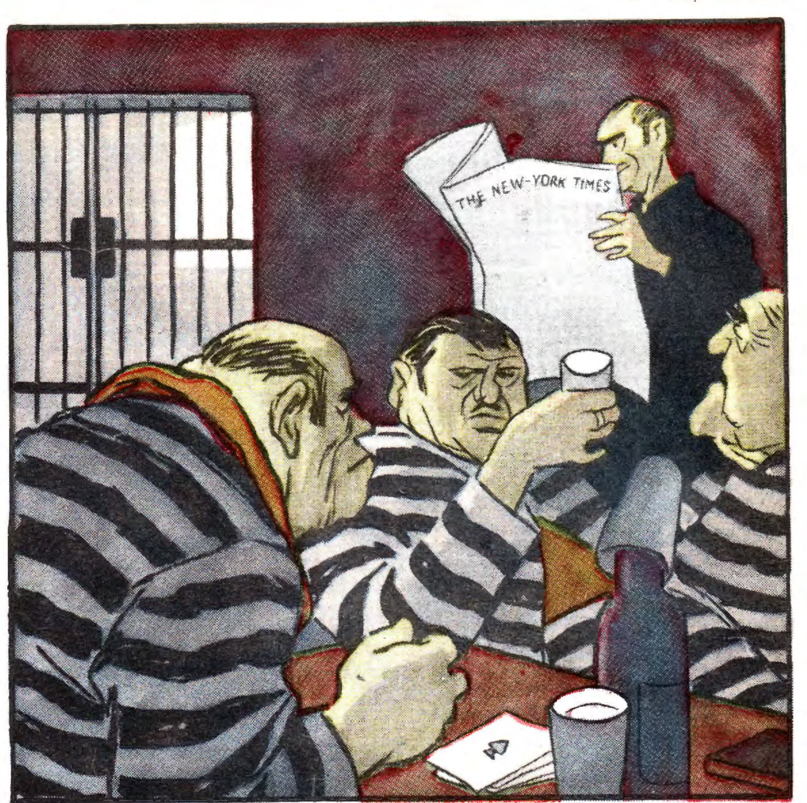
Впрочем, всё станет ясно, если учесть, что шипящие и извивающиеся сюрпризы приходят лишь в адреса лиц и организаций, выступающих за мир и единство Германии, против «общего договора».

Значки с перекрещёнными молниями на фуражках боннских почтовых чиновников — символ явно устарелый. Куда правильнее было бы заменить почтовые эмблемы полицейскими кокардами!

В. БОЕВ

НЕ В ПЕРВЫЙ РАЗ

Рис. Бориса ЛЕО

— Почему ты решил, что нас скоро выпустят?
— Президентские выборы наступают, без нас не обойдутся!

ГРУБАЯ РАБОТА

Студент Корнеллского университета Боб Уильсон уныло плёлся по улице. Из того, как безучастно скользнул он взглядом по пляшущей рекламе бара, можно было заключить, что с ним творится что-то неладное. Он завернул за угол и остановился перед массивной дверью, за которой помещалось местное отделение Федерального бюро расследований. Трусливо вздохнув, он открыл дверь.

— Садитесь, Уильсон,— великодушно сказал тощий человек в мышином костюме.— Я надеюсь, мы найдём с вами общий язык.

«Куда он клонит?» — с тоской подумал Боб.

— Согласны ли вы помочь нам? — ласково спросил человечек.

* * *

В течение последующих пяти дней Боб шушукался с приятелями, а однажды вечером стены университета дрогнули от зычного радиовопля:

— Внимание! Сейчас будет передано экстренное сообщение!

За несколько минут до этого события десять воспитанников корнеллского храма наук, напялив маски, взяли штурмом радиостудию и прорвались к микрофону. Боб Уильсон радостно пролаял в микрофон:

— Вчера сотни самолётов русского типа бомбили мирные города Марсель и Лондон... Воздушная армада красных приближается к берегам Америки...

Толпа любопытных, собравшаяся у репродукторов, загоготала. Студенты кинулись в радиостудию и выволокли оттуда Боба и его друзей.

* * *

— Вы осёл, Уильсон! — кратко приветствовал Боба человечек в мышином костюме.— Я говорил вам, что наша работа требует тонкости и осторожности. Вы грубо сработали. Ваша администрация под давлением этого самого... как его... ах, да, общественного мнения исключила вас и ваших приятелей из университета на год. Всего хорошего.

Бывший студент Корнеллского университета Боб Уильсон вышел на улицу и понуро двинулся в сторону пляшущей рекламы.

* * *

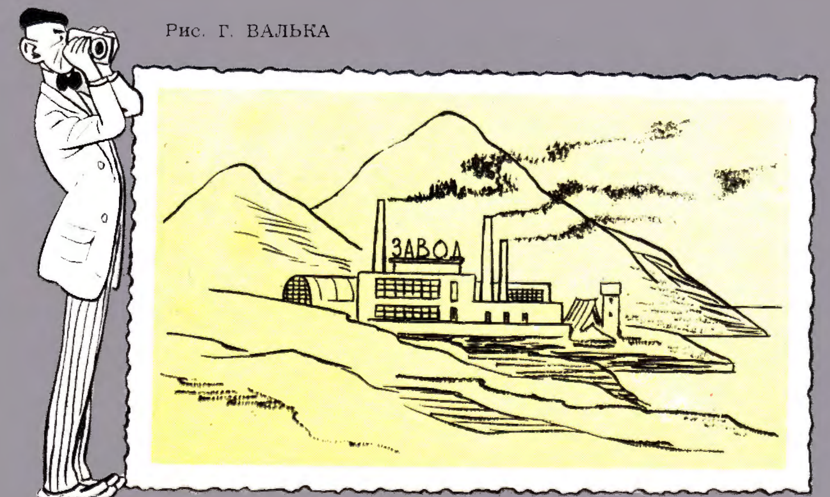
Описанный случай действительно имел место недавно в Корнеллском университете, как о том сообщило агентство Рейтер из Нью-Йорка.

С. ИВАНОВ

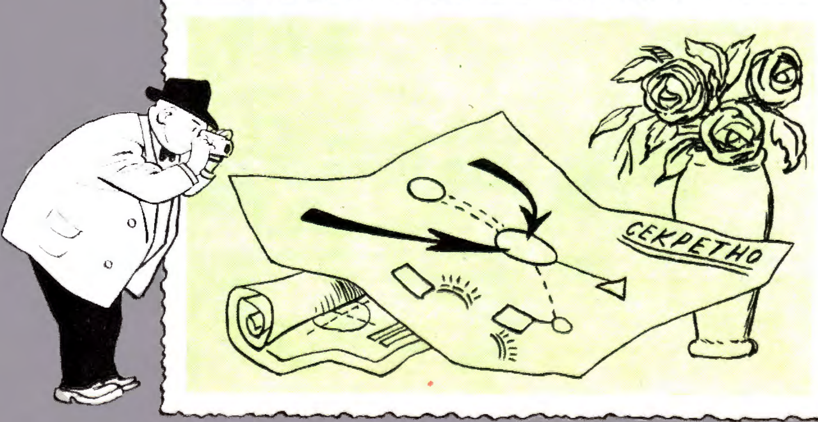
ИЗ ФОТОАЛЬБОМА АМЕРИКАНСКОГО ТУРИСТА

Рис. Г. ВАЛЬКА

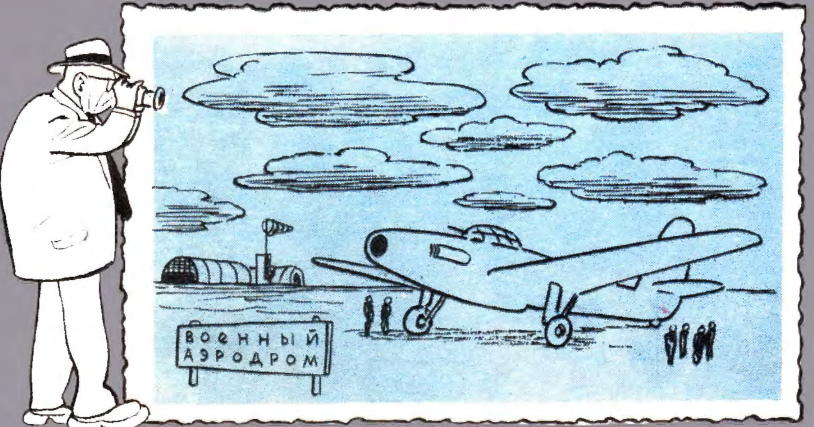
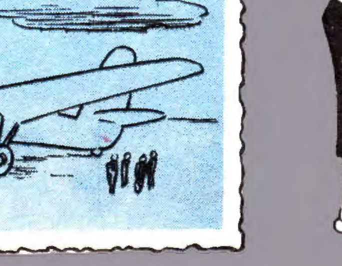
В текущем году Западную Европу посетит более 750 тысяч американских туристов.

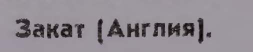
Горный пейзаж (Италия).

Цветы (Швейцария).

Тучки небесные (Франция).

Закат (Англия).

— В минувшем году к нам в школу приехали семь молодых специалистов,— сказала В. П. Миронова, заведующая учебной частью Кувшиновской школы, Калининской области.— Все товарищи горели желанием работать, но у всех не хватало практических навыков... Это недоделки вузов.

(Из отчёта на V пленуме ЦК профсоюза работников начальной и средней школы РСФСР.)

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

— Странно! Никак не пойму: ранняя это картошка или поздняя!
— Ничего странного: это лук!

ИЗ НАПЕЧАТАННОГО

О ПРОХОДИМЦАХ И ПРОСТОФИЛЯХ

НЕКОТОРЫЕ граждане обижаются по поводу того, что их публично называют шляпами и ротозеями, разинями и простофилями. Они не отрицают своей беспечности, но считают, что называть их шляпами и простофилями чересчур. Так ли это?

Александр Степанович Шилин похитил в различных городах Союза 415 тысяч рублей. Как это ему удалось? Очень просто. Всюду, по словам фельетониста ростовской газеты «Молот» Якущенко, довольствовались только личным листком по учёту кадров и автобиографией; никто не удосужился внимательно прочесть анкету, никто не потребовал документов. В Калинине Шилин представился Новиковым, в Рязани — Козловым, в Сызрани — Курбатовым, в Глухове — Аристовым, в Ворошиловграде — Титовым, а в тресте «Гуковуголь», Ростовской области,— Булгаковым.

В тресте «Гуковуголь» начальник руководящих кадров Гончаров, главный бухгалтер треста Пономарёв и заместитель управляющего трестом Двухбратов приняли Шилина-Булгакова с распростёртыми объятиями и назначили его главным бухгалтером шахты № 26.

А через полтора месяца, «прихватив» 82 505 рублей, Шилин скрылся в неизвестном направлении.

* * *

Фельетонист Вал. Власов рассказывает в газете «Приуральская правда» о проделках другого проходимца, Анатолия Павловича Осадчука, который афишировал себя как разностороннего специалиста по сельскому хозяйству: на Дальнем Востоке — по зерновым культурам, в городе Молотове — по овощам, в Молдавии — по птице и крупному рогатому скоту, в городе Уральске — по овощам и картофелю. Начальник областного управления сельского хозяйства Хлыстов настолько восхитился универсальностью Осадчука, что, недолго думая, поручил ему руководить плодоовощным отделом. На самом же деле Осадчук оказался просто аферистом. О его жульнических проделках дали знать в прокуратуру. Оттуда, по поручению областного прокурора тов. Ивашины, позвонили в управление сельского хозяйства:

— Передайте Осадчуку, что его убедительно просят зайти в прокуратуру.

Осадчуку передали просьбу прокурора, а он, не дожидаясь вторичного приглашения, исчез.

* * *

Руководители Петроградского и Ждановского райпищеторгов в Ленинграде называют сейчас Владимира Михайловича Фельдмана наглым, бесчестным, подлым, коварным, лживым человеком, а ещё совсем недавно они в нём души не чаяли. Как рассказывает в «Ленинградской правде» фельетонист А. Леонтьев, директор магазина № 15 Ф. З. Соколов выдал Фельдману специальное поручительство:

«Я, член ВКП(б) Соколов Фёдор Захарович, партбилет № 2466790, зная лично по совместной работе тов. Фельдмана Владимира Михайловича как добросовестного, аккуратного работника, рекомендую его на работу с материальной ответственностью в Петроградский райпищеторг.

Я за него несу ответственность и даю за него поручительство.

Член ВКП(б) Соколов».

Фельдман стал заместителем директора продуктового магазина. Через некоторое время заместитель директора Петроградского райпищеторга К. З. Кондратьева, ныне работающая секретарём партбюро этого же торга, дала ему характеристику в том, что «...за время работы он показал себя исключительно с положительной стороны, ...энергичен, вежлив, требователен к себе и подчинённым. Морально устойчив».

Вскоре «морально устойчивый» Фельдман был уличён в систематическом обмере и обвешивании покупателей. Когда же общественные контролёры поймали его с поличным, он пытался их подкупить.

Вот тут-то Фельдманом и занялись вплотную. Выяснилось, что Фельдман — матёрый рецидивист, судившийся три раза за мошенничество и расхищение социалистической собственности, осуждённый в общей сложности на двадцать пять лет. Пользуясь фальшивыми документами, ему удавалось ускользать от наказания. В Москве он подвизался под фамилией Брионовича, а в Ростове-на-Дону — Шаковича.

Слепая вера в бумажку подвела многих работников и в Астрахани, доверившихся анкете Евгения Марковича Дульцина.

В своих анкетах Дульцин неизменно указывал, что у него высшее образование и что он работал инженером трампарка, водопровода, инженером-строителем, судоремонтником, главным инженером кондитерской фабрики, главным инженером обллегпрома и даже старшим инженером-консультантом председателя облисполкома, хотя такой должности не существует в природе.

* * *

Секретарь Сталинского райкома ВКП(б) в Астрахани Наговицын, бывший директор судоремонтного завода Воробьёв и другие принимали его с распростёртыми объятиями и активно содействовали его успешной карьере.

Заведуя окружным отделом кинофикации, Евгений Маркович угодил под суд. Из тюрьмы попал прямо... на руководящую работу — ответственным секретарём спортивного общества «Динамо».

Из «Динамо» Дульцин перебазировался на кондитерскую фабрику... в качестве директора. И вдруг неожиданно всё лопнуло. Дульцина пригласили в горком ВКП(б), где с ним состоялся разговор, дословно описанный в газете «Волга» в фельетоне К. Сомова:

«— Вы инженер?
— Да.
— Какой окончили институт?
— Энерготехнический.
— Диплом имеете?
— Нет, не имею.
— Почему?
— Видите ли, в самом институте я не учился.
— Значит, окончили его заочно? Но ведь и заочники получают диплом.
— Да, но я не был и заочником. То есть я не сумел оформиться.
— А как же вы учились?
— Мы занимались с товарищем самостоятельно: покупали учебники и учились.
— Кто же вас переводил с курса на курс, кто проверял знания?
— Никто, мы сами...»

Но странное дело: уже после того, как Дульцина разоблачили, исключили из партии, добрые люди, к сожалению, не упомянутые в газете, преподнесли ему двухмесячную путёвку на курорт.

Стоит ли после этого заниматься пустыми филологическими спорами: как точнее называть беспечных людей — простофилями или шляпами, ротозеями или разинями?.. Не всё ли равно! Ротозей остаётся ротозеем, какой бы он шляпой ни прикрывался.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Геологу при разведке горных пород никак нельзя обойтись без горного компаса. Этот удобный и прочный прибор вполне добросовестно выполнял свои обязанности, пока ленинградский завод «Геологоразведка», изготовляющий эти компасы, не решил их усовершенствовать.

Сначала заменили крепкий латунный корпус прибора пластмассовым, затем удобный кожаный футляр неудобным деревянным. Впоследствии взялись за переделку лимба и т. д.

В общем, усовершенствовали компасы до того, что они быстро утратили свою былую работоспособность. Геологу осталось лишь сбросить такой горный компас с любой высокой горы.

Министерству геологии следовало бы, пожалуй, разведать, почему завод довёл своё изделие до такого плачевного состояния. Это можно установить и без помощи усовершенствованного компаса.

В. НЕХОРОШЕВ,
профессор, доктор геолого-минералогических наук, заслуженный деятель наук КазССР

г. Ленинград.

Товарищ Крокодил!

По совести сказать, мы сначала совсем было растерялись. Шутка ли, не кем-нибудь, не где-нибудь, а в нашей городской газете «Новороссийский рабочий» сказано: «Кружок духового оркестра клуба новороссийского завода «Пролетарий» распался».

Как же это так, всполошились мы. Столько лет работал оркестр, недурно, говорят, сыгрался, совсем недавно на заводском вечере и в подшефной школе выступал — и вдруг распался. Сидим и смотрим друг на друга и ничего не понимаем. Потом махнули рукой и грянули в трубы.

Дело в том, что мы не распадались, а про распад нашего оркестра прочитали на очередной репетиции новой программы...

В общем, кланяйся от нас, пожалуйста, автору заметки тов. Шмидберской. И сообщи ей, что мы пока живы, здоровы и относимся к своим обязанностям добросовестно. Чего и ей желаем.

По поручению здравствующего духового оркестра клуба завода «Пролетарий»

Староста кружка МЕДВЕДЕВ, музыкальный руководитель РЕЗНИКОВ

г. Новороссийск.

Уважаемый Крокодил!

Небывалое событие назревает в Орловской области: все машины Городищенской МТС, того и гляди, сдадут... в утиль! Но не подумай, что они износились и никуда не годны. Машины новенькие. Случится это из-за бесхозяйственности директора МТС тов. Стрельцова.

Прошлой осенью по его вине были оставлены без всякого присмотра скреперы, занятые на строительстве прудов. Беспризорными машинами заинтересовался заготовитель Архангельского сельпо Морозов. Не мог он равнодушно пройти мимо добра, брошенного на произвол судьбы, снял четыре металлические рамы, свёз их в посёлок Нарышкино и продал по хорошей цене в утиль.

Недавно в МТС пропали части бульдозера. По всей вероятности, у рачительного Морозова нашлись последователи, которые не прочь заработать на беспечности Стрельцова.

А Стрельцов и в ус не дует! Ох, назревает событие!.. Подскажи, дорогой Крокодил, как нам избежать его?

И. ЕМЕЛЬЯНОВ

Москва.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

⌗ Директор Вязниковской фабрики имени Розы Люксембург К. И. Гринченков не боролся с расхитителями государственного имущества, преследовал работников фабрики за критику. Об этом рассказывалось в фельетоне «Проказники со станции Вязники» в № 8 Крокодила.

Бюро Владимирского обкома ВКП(б), обсудив фельетон, объявило Гринченкову строгий выговор.

Министерством лёгкой промышленности РСФСР принято решение: освободить Гринченкова от работы на фабрике.

⌗ В № 18 Крокодила, в фельетоне В. Индина «Кинешма лидирует», рассказывалось об очковтирательстве и фальсификации отчётов о заочных спортивных соревнованиях.

Бюро Кинешемского горкома ВКП(б) резко осудило антигосударственную практику комитета. Председателю комитета физкультуры и спорта Березину, главному судье соревнований Канкевичу объявлен строгий выговор с занесением в учётные карточки; Березин с работы снят.

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

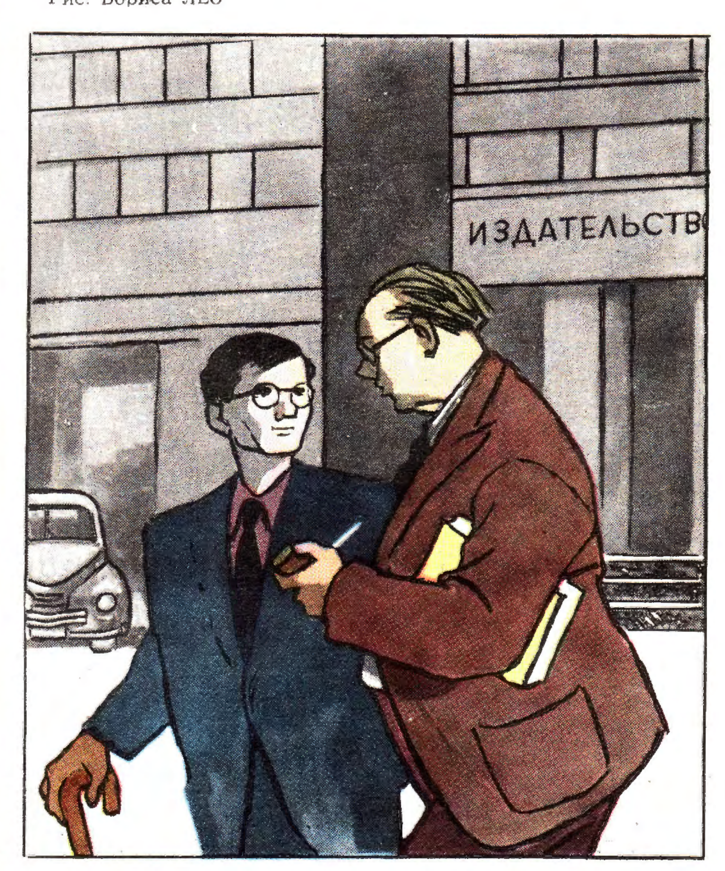
В тематическом плане подготовки сценариев на 1952—1953 годы комедийный жанр представлен совершенно недостаточно.

Рис. Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

— Чего вы смеётесь! В плане нет ничего смешного!

Рис. Бориса ЛЕО

— Ну, как твой роман!
— Его читают вовсю! Уже прочли пятьдесят шесть рецензентов, двадцать пять консультантов и двенадцать редакторов!

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно с 13 до 17 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц

Москва. Изд. № 584. Подписано к печати 22/VII 1952 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 04446. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1853. Тираж 300 000 экз.

Рис. Ю. ГАНФА

Английский министр продовольствия Гвилим Ллойд-Джордж заявил: «Масло — это роскошь».

— Смазывайте получше свою колесницу, мистер Марс! Англичане могут обойтись и без масла!